

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206
EDN: MKNAJA

Научная статья / Research article

Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана

А.П. Романова , Д.А. Черничкин

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань,
Российская Федерация*
 aromanova_mail@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено выявлению характера и результатов влияния Турции и пантюркистской идеологии на конструирование новых национальных идентичностей в Республике Казахстан и Туркменистане. Теоретическим основанием данного исследования стала концепция транснациональных политических пространств (этномиров), которые за счет распространения культурных паттернов формируют новые идентичности. В рамках практической основы данного исследования авторами был применен синтез нескольких социологических методов: контент-анализ данных, опубликованных в период с 02.01.2022 по 31.07.2023 и собранных по заданным маркерам; опросы в форме электронного анкетирования, а также серии фокусированных групповых и экспертных интервью, участниками которых стали граждане Республики Казахстан и Туркменистана. Результаты исследования показали, что в обеих странах воздействие «мягкой силы» идет в области тех политик, которые являются важнейшими в сфере конструирования новых идентичностей — образовательной, языковой, политики памяти, символической и т.д. Механизмы продвижения политики идентичности в страны с тюркским населением являются наиболее сильной стороной процесса формирования данного этномира. Основываясь на результатах исследования, наиболее действенным инструментом являются образовательные программы, статусность которых позволяет вернувшейся молодежи войти в состав новой элиты своих стран и одновременно стать эмиссаром пантюркистских идей. Исходя из данных контент-анализа, можно отметить, что турецко-казахстанские и турецко-туркменские взаимоотношения хотя и характеризуются активным и положительным развитием, прежде всего, в экономической сфере, но все же не лишены противоречий. А пантюркистские идеи и турецкие культурные паттерны, хотя и присутствуют в информационной повестке анализируемых стран, но не являются ее трендом.

© Романова А.П., Черничкин Д.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: пантюркизм, Турция, новая национальная идентичность, политики идентичности, Республика Казахстан, Туркменистан, тюркский этномир

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

Для цитирования: Романова А.П., Черничкин Д.А. Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 181–206. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206>

Turkey and Pan-Turkism Influence on the Development of New National Identities in the Caspian Region: The Evidence from Turkmenistan and Kazakhstan

Anna P. Romanova , Dmitriy A. Chernichkin

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russian Federation

 aromanova_mail@mail.ru

Abstract. The article focuses on how Turkey and Pan-Turkish ideology influenced the development of new national identities in Kazakhstan and Turkmenistan and the results of this influence. The theoretical basis of this study lies in the concept of transnational political spaces (ethno-worlds), which form new identities due to the spread of cultural patterns. The practical basis of this study entails a synthesis of several sociological methods: content analysis of data published from January 2, 2022, to July 31, 2023, collected according to specified criteria; surveys in the form of an electronic questionnaire; and a set of focused group and expert interviews attended by citizens of Kazakhstan and Turkmenistan. The results showed that “soft power” in both countries influences the field of those policies that are crucial for the development of new identities: education, language, memory, symbology, etc. The mechanisms for promoting identity politics in Turkic countries are the main strength of the formation process in this ethno-world. The results of the study demonstrate educational programs to be the most effective tool, whose status allows the returned youth to become a part of a new elite in their countries, as well as emissaries of Pan-Turkist ideas. Based on the content analysis data, it can be noted that though Turkish-Kazakh and Turkish-Turkmen relations are actively and positively developing, primarily in the economic sphere, they still have certain contradictions. Though Pan-Turkish ideas and Turkish cultural patterns are presented in the information agendas of the analyzed countries, they are not their trends.

Keywords: Pan-Turkism, Turkey, new national identity, identity politics, Republic of Kazakhstan, Republic of Turkmenistan, Turkic ethno-world

Acknowledgements: The study was carried out with the help of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 “The process of constructing new identities in the Caspian macro-region in the context of societal security”.

For citation: Romanova, A.P., & Chernichkin, D.A. (2024). Turkey and Pan-Turkism influence on the development of new national identities in the Caspian Region: The evidence from Turkmenistan and Kazakhstan. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 181–206. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206>

Введение

Турция в последнее время становится видным игроком на международной арене. Особенно это стало заметным в последние годы с усилением влияния Р.Т. Эрдогана на мировые политические процессы. Однако у этих процессов есть глубокие исторические корни, которые уходят в глубины истории османской империи, долгое время являвшейся одной из самых влиятельных и обширных государственных конструкций второго тысячелетия нашей эры.

Османская империя (1299–1924) представляла собой транснациональное культурное и политическое пространство, объединявшее огромное количество территорий с разными этносами и конфессиями при доминировании надстроечной османской культуры и языка. Ведущим этносом был турецкий, а религией — суннитский ислам. Еще в период существования империи возникают первые пантюркистские идеи. Исчезнув, империя уступила место турецкому государству модерна, в рамках которого тем не менее продолжали активно продвигаться идеи, связанные с особым положением турецкого народа. Османская империя трансформировалась не в постимперское пространство, как это было с российской, британской и другими империями, а в этноориентированное. А тюркский мир, следуя типологии, предложенной М.И. Сигачёвым и С.П. Артеевым, можно рассматривать как этномир — предполагаемое транснациональное политическое пространство «этноориентированного типа» [Сигачёв, Артеев 2022: 40]. При этом, по утверждению В.А. Аваткова, «тюркский мир» в турецком понимании — туркоцентричная подсистема международных отношений.¹

«Великое имперское прошлое» Турции дает себя знать во множестве идеологем, основанных на тюркских корнях. Это такие идеологические конструкции, связанные с идеей возрождения былого могущества и возникшие как на излете имперского величия, так и позднее, уже после ее конца: пантюркизм, пантуранизм, туранизм, туркизм, неопантюркизм, неоосманизм и т.д. Категориальный анализ родственных терминов, в той или иной форме является частью многих работ, так или иначе затрагивающих проблемы пантюркизма [Надеин-Раевский 2017; Романова, Морозова 2023; Васильева 2011; Васильева 2017; Шкира 2014; Вартаньян 2015], однако в их трактовке до сих пор есть разночтения. Примечательно, что идеи пантюркизма, впрочем, как и пантуранизма, возникли еще во времена Османской империи в XIX в. за пределами Турции и связаны изначально отнюдь не с мыслителями турецкого происхождения, а с венгерским

¹ Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2020.

иудеем-мусульманином Арминием Вамбери (1832–1913), сотрудником британской разведки Вилфредом Блантом и российскими подданными татарского происхождения Ахмедом Агаевым, Юсуфом Акчурой, Исмаилом Гаспринским [Бабаян 2011; Ахманова 2022; Усманова 2016]. Несмотря на то, что пантюркизм возник не в Турции, не был официально признанной идеологией на ее территории, в турецком научном дискурсе эта проблема фигурирует достаточно давно, начиная с главных турецких идеологов пантюркизма — Зии Гекальпа [Gökalp 2017] и Атсыза Нихаля [Saraçoğlu 2004] — писателей, публицистов, исследователей, так и ряда современных авторов [Tuuzun 2020; Özdoğan 2019; Kofak 2017; Bülent 2009].

Интерес к пантюркизму, давно вышедший за пределы Турции, особенно ярко вспыхивает в кризисные периоды: великая война, конец османской империи, конец российской империи, смерть Ататюрка, начало второй мировой войны, и в точках бифуркации (вступление Турции в НАТО в 1952 г.) [Насибова 2015]. Именно на волне распада российской империи и возникновения СССР советскими исследователями был опубликован ряд работ, до сих пор вызывающих интерес [Аршаруни, Кабидуллин 1931; Тверитинова 1957; Миллер 1958]. Однако наибольшие возможности для развития пантюркизм получил после распада СССР, когда бывшие союзные республики с тюркским населением получили статус самостоятельных государств. Причем в это время дискуссия перешла из области чистого пантюркизма и пантуранизма, в сферу политического влияния Турции на новые государства Большого Каспия с тюркским населением, где активно начинают идти процессы конструирования новых идентичностей, что резко расширяет сферу влияния Турции. Процессы и характер турецкого влияния активно исследуются российскими учеными [Деев 2018; Иванова 2012; Васильева 2011; Надеин-Раевский 2017; Шумилов 2022; Милюкова и др. 2021; Притчин 2022; Семененко 2022], в том числе и занимающимися российскими регионами с тюркским населением [Бадретдинова, Бадретдинов 2021; Аминов 2020; Мухаметдинов 2016; Хапизов 2014], так и авторами из стран Каспийского региона и Центральной Азии [Имомалиев 2021; Вахитова 2007]. Есть и популярные работы околонучного характера, получившие признание непосредственно в Турции [Аджи 1998].

Итак, в последние три десятилетия пантюркизм становится наиболее популярной базовой идеологией продвижения турецкого влияния на другие страны, в том числе и на политику конструирования новых национальных идентичностей на территории тех стран, где есть тюркские народы, а основными механизмами этого влияния становятся так называемые процессы «мягкой силы».

Сама по себе идея тюркского мира является самодостаточным теоретическим конструктом, но, чтобы он превратился в политическую силу, ему необходим идеологический двигатель. Таким двигателем и становится упрощенная и обобщенная доктрина пантюркизма, основная задача которой — постепенное и незаметное стремление к объединению всех тюркских народов либо в единую культурную общность, некое содружество, а в наиболее экстремальном варианте — в единое пространство под эгидой Турции. Правда, характер «турецкой эгиды» вызывает на современном этапе активную дискуссию [Шумилов 2022] в научных кругах. Основным предметом споров является вопрос — отказалась

ли Турция от своего доминирования в данном альянсе или просто сменила тактику и подходы. На одной чаше весов — крайне негативная оценка этой тенденции. Пантюркизм рассматривается как опасность для нетюркского мира [Сваранц 2010], а некоторыми авторами и для тюркского, посредством размывания культурного кода тюркских народов и подчинения тюркского турецкому [Аватков 2021], в узком смысле как «агрессивная расистская, шовинистическая доктрина имперских кругов турецкого национализма» [Надеин-Раевский 2017]. Однако некоторые исследователи утверждают, что Турция больше не стремится «быть лидером тюркского мира»². И такая неоднозначная оценка в научном и политическом дискурсе вполне предсказуема. С одной стороны, Турция, особенно в последнее время, славится весьма многовекторной внешней политикой, а с другой — амбивалентен и сам «пантюркизм». Он относится к тем идеологическим течениям, которые конструируют новые возможности для одних народов и новые проблемы для других. Для Турции это возможность распространить свое влияние на новые территории. Для генетически и лингвистически близких стран (Азербайджан, Туркменистан и т.д.) — это возможность получить «влиятельного родственника» и союзника, а также экономическую поддержку. Для стран, где тюркские народы являются составной частью пестрого этнического поля, это потенциальная опасность сепаратизма и экстремизма. Поэтому и воспринимаются пантюркизм и его производные неоднозначно.

Для обозначения современной версии пантюркизма отечественные исследователи предлагают новые термины — «неопантюркизм» [Аватков 2021] и «коллективный пантюркизм», «который перестал выступать инструментом Турецкой экспансии» [Шумилов 2022]. Однако они тоже дискуссионные и не являются общепотребимыми.

Поэтому в данной работе мы будем использовать термин «пантюркизм» как наиболее употребимый и узнаваемый, в том числе и на территории исследуемых нами стран, в качестве универсальной метакатегории, используемой для любых концептуальных и институциональных устремлений Турции объединить в той или иной форме все тюркские народы под одной эгидой.

За счет чего пантюркизм, как и его производные, несмотря на перипетии своего функционирования, имеет значительное влияние? Возможно, за счет того, что он не является только политической доктриной. Почти все его основатели и идеологи так или иначе были связаны с философским или художественным осмыслением проблемы. Идеи пантюркизма получают свое воплощение в художественной литературе, киноискусстве, как способе показать пути к «кызыл элма» как духовному идеалу пантюркизма [Иванова 2012]. Современный пантюркизм за тридцать лет самостоятельного существования постсоветских государств Прикаспия и Центральной Азии отошел от настойчивого провозглашения

² Гусейнов А. Возможен ли переход от Тюркского совета к Тюркскому союзу? Взгляд из Баку // EurAsiaDaily. 24.11.2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/24/vozmozhen-li-perehod-ot-tyurkского-soveta-k-tyurkskomu-soyuzu-vzglyad-iz-baku> (дата обращения: 26.10.2023).

официального доминирования Турции и основным направлением сделал историко-культурное и экономическое проникновение.

Основным комплексом причин, по которым тюркским странам предлагается присоединиться к этому проекту, является этническая, культурная и языковая общность тюркских народов. Причем языковой аргумент подчас является самым действенным.

Цели и задачи исследования

Основной целью данного исследования является выявление характера и результатов влияния Турции и пантюркистской идеологии на конструирование новых национальных идентичностей в Республике Казахстан и Туркменистане³.

Достижение данной цели возможно при решении следующих задач:

- 1) определить методы и интенсивность влияния Турции на структуру и содержание идентичности в исследуемых странах;
- 2) выявить место тематики «пантюркизм» и ее контентной структуры в медиапространстве Северного Прикаспия для определения характера информированности населения в области тюркской идеологии;
- 3) охарактеризовать представления людей о месте Турции в системе внешних связей обеих республик.

Методы и процедура исследования

Теоретическим основанием исследования послужила концепция транснациональных политических пространств (этномиров), ключевую роль в формировании которых играет «экспорт культурных образцов» [Артеев 2023], направленных на конструирование новой общей идентичности.

Методологической основой данной работы является сетевой анализ отношений между социальными объектами как средство для объяснения социальных процессов, отражающихся в общественном мнении и социальных сетях. Прикладной основой данной методологии являются методы машинного анализа текста из социальных сетей, онлайн-сообществ и интернет-СМИ, дополненного социологическими методами.

В рамках практической основы данного исследования авторами был применен синтез нескольких социологических методов.

1. *Контент-анализ данных*, опубликованных в различных открытых источниках. В рамках анализа по заданным маркерам был произведен сбор текстовых данных, опубликованных в период с 02.01.2022 по 31.07.2023 из различных источников (ВКонтакте, Telegram,

³ Мы намеренно исключили из данного анализа Азербайджан, поскольку это априори наиболее тесно связанная с Турцией страна, подверженная ее влиянию в силу даже лингвистической близости. Исследования, проведенные нами осенью 2023 г. в Азербайджанской Республике, станут предметом дальнейшего анализа.

Одноклассники, Twitter, Facebook⁴, Instagram⁵, а также сайты различных интернет-СМИ) с геометками прикаспийских регионов России (Астраханская область) и Казахстана (Атырауская и Мангистауская области). Сбор данных осуществлялся «стихийным» методом. Первичный набор данных составил 747 771 постов и комментариев, содержащих заданные маркеры.

Собранные данные были рассмотрены и на этапе очистки были выделены только уникальные тексты, проверена орфография и пунктуация, строки также были очищены с помощью запросов на языке PDL и SRL от «мусорных» данных для увеличения качества результатов контент-анализа. В результате было выделено 272 033 уникальных постов и комментариев. После очистки данных мы перешли непосредственно к анализу текстовых данных. Исходя из задач исследования, мы применили следующие способы работы с данными: классификация текстов, формирование таксономий, извлечение сущностей, семантический поиск, категоризация, кластеризация, обнаружение паттернов и сентимент-анализ. В данном исследовании для анализа текстовых данных применялась платформа PolyAnalyst. Основной упор был сделан на определении тональности текста. Тональность выбрана стандартно-бинарная: положительная и отрицательная. Дополнительно выделялась основная мысль, проводился поиск ключевых тем и слов по встроенным словарям используемого инструмента. Это наиболее часто встречающиеся слова, достаточные, чтобы выявить основные тематики постов сообщества. Отдельными сущностями были выделены персоны, встречающиеся в корпусах текстов.

2. *Опрос в форме электронного анкетирования*, проведенный в июле-октябре 2022, целью которого являлось описание процесса конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе на примере приграничных областей Республики Казахстан (Атырауской и Мангистауской областей). В качестве объекта исследования выступали жители Атырауской и Мангистауской областей Республики Казахстан. Предметом исследования — особенности конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе. Электронный опрос производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по присланной ему электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 700 респондентов — жители Атырауской и Мангистауской областей Республики Казахстан: Атырауская область (43,9 %); Мангистауская область (56,3 %). Выборка: целенаправленная методом типичных представителей (население географически определенных областей), основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол

⁴ Продукт компании Meta. 21 марта 2022 г. российский суд признал Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

⁵ Продукт компании Meta. 21 марта 2022 г. российский суд признал Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

респондентов. Инструментарий и матрица исследования были разработаны авторами исследования. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 28. Статистический анализ включал анализ линейных (одномерных) распределений ответов респондентов на вопросы анкеты и осмысление параметров таблиц сопряженности.

3. *Серия фокусированных групповых интервью*, проведенная в Республике Казахстан в январе 2023 г. Всего было проведено 5 фокус-групп, информантами которых выступили жители Атырауской области разного возраста и социального статуса. Возрастной состав — лица от 25 до 60 лет; распределение по полу — 40 % мужчин и 60 % женщин, национальный состав — казахи и метисы.
4. *Серия экспертных интервью*, проведенная в январе 2023 г. на территории Республики Казахстан. В ходе данного исследования были проведены 9 интервью с экспертами в различных сферах: образование, наука, политика, социальная деятельность. Гайд экспертного интервью был разработан авторами исследования. По всем выделенным индикаторам была задана серия вопросов, а сами вопросы были разделены на тематические блоки. После транскрибирования интервью были составлены полноформатные текстовые транскрипты. Для реализации поставленных задач исследования применялся целенаправленный отбор респондентов, выступивших в качестве экспертов. При ограничении поиска в рамках целенаправленного отбора использовалась методика «снежного кома», целью которого являлось нахождение новых участников интервью путем ссылки на них уже поучаствовавших в интервью.
5. *Опрос в форме электронного анкетирования*, проведенный в сентябре 2023 г., целью которого являлось описание процесса конструирования новых идентичностей в Туркменистане. В качестве объекта исследования выступали граждане Туркменистана, являющиеся студентами учебных заведений г. Астрахани. Предметом исследования — особенности конструирования новых идентичностей в Туркменистане. Электронный опрос производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по присланной ему электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 350 респондентов. Выборка: целенаправленная методом типичных представителей (граждане Туркменистана), основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол респондентов. Инструментарий и матрица исследования были разработаны авторами исследования. Анкета была предложена на двух языках — русском и туркменском. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 28. Статистический анализ включал анализ линейных (одномерных) распределений ответов респондентов на вопросы анкеты и осмысление параметров таблиц сопряженности.

6. *Серия фокусированных групповых интервью среди студенческой молодежи — граждан Туркменистана.* По причине того, что данная страна является достаточно закрытой, провести полевые исследования непосредственно на территории республики среди жителей всех возрастных групп и социального статуса для исследователей на данном этапе не представляется возможным. Поэтому основными информантами в данном случае выступили иностранные студенты, граждане Туркменистана разных ступеней обучения нескольких российских вузов: Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева, Кубанского государственного университета и Адыгейского государственного университета. Всего было проведено 6 фокус групп со студентами в возрасте от 18 до 30 лет; распределение по полу — 70 % мужчин и 30 % женщин.

Дополнительно при проведении двух серий фокус-групповых интервью исследователями был применен метод «направленных ассоциаций», который чаще всего применим в психологии, психиатрии и лингвистике, однако в данном случае применялся нами в социологическом исследовании. Само применение данного метода не является чем-то новым и используется в социологии с 1970-х гг. [Паутова 2007]. Формирование ассоциаций тесно связано с процессом социализации человека, усвоения индивидом социальных норм и системы ценностей общества, социальной группы, семьи. Поэтому мы предполагаем, что ассоциации отражают не только случайные ситуативные взаимосвязи, но и социальные ценности, представляющие собой «наиболее глубокие основания культуры», служащие «мерилом того, что люди считают важным, значимым».

В рамках исследования участникам фокус-групп было дано задание на основе собственного ассоциативного ряда отразить в рисунках близость основных стран в исследуемом регионе (Россия, Турция, Азербайджан, Китай, Коллективный Запад⁶) по отношению к своей стране. Полученные рисунки будут в дальнейшем отражены в тексте статьи.

Турция и конструирование идентичности в исследуемых странах

После распада СССР и появления самостоятельных каспийских государств Турция стала вести активные действия по установлению своего влияния на этих территориях. Здесь был задействован прежде всего комплекс механизмов — от официального признания (а Турция признала все Каспийские страны первой в 1992 г.) до «мягкой силы». С этого момента давняя идея «тюркского мира» получает возможность реального воплощения. Сразу же создается и необходимый институциональный и документальный

⁶ Для удобства информантов нами было принято решение объединить большинством стран Европы, с которыми у Казахстана и Туркменистана имеются контакты, и США в единый блок «Коллективный Запад».

каркас, который все время обновляется и дополняется с учетом требований социума: Агентство международного сотрудничества с тюркоязычными государствами (Turk işbirliği ve Kalkınma Ajansı — ТИКА) (1992); Анкарская Декларация о взаимном сотрудничестве (1992); Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi) (ТЮРКСОЙ) 1993; Парламентская Ассамблея тюркских государств ТЮРКПА (2008 г., Баку); Тюркский совет на основе Нахичеванского соглашения (2009), в 2021 г. переименованный в Организацию Тюркских государств; Международная Тюркская академия (2010 г. Астана). Эти и другие более мелкие институты позволили канализировать функционирование «мягкой силы». Но реагируют изучаемые нами каспийские государства на Турецкое воздействие на данном этапе тоже по-разному. На данный момент Казахстан является активным участником практически всех совместных институциональных структур. Руководство Казахстана, как прошлое (Назарбаев), так и настоящее (Токаев), с большой охотой откликается на предложения экономического и социогуманитарного характера со стороны Турции. Власти Туркменистана в этом плане более осторожны. Они достаточно долго сопротивлялись активному проникновению «мягкой силы» в различных сферах. Несмотря на то, что страна является ассоциированным членом ТЮРКСОЙ и наблюдателем в Организации Тюркских государств (ОТГ с 2021 г.)⁷, в сентябре 2022 г. Туркменистан обратился к Турции с просьбой, вопреки «политике открытости для тюркских государств» ввести визовый режим для своих граждан.

В целом в обеих странах воздействие «мягкой силы» идет в области тех политик, которые являются важнейшими в сфере конструирования новых идентичностей — образовательной, языковой, политики памяти, символической, и т.д. Эксперт ИМЭМО РАН, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Станислав Притчин считает, что Турция является очень «комфортным игроком, поскольку помогает выстраивать «альтернативную тюркскую идентичность», естественным образом вливающуюся в ОТГ и превращающую соседей — Россию и Китай — из «Своих» в «Чужих», с иной идеологией, политическими устремлениями и т.д.⁸

Наиболее конструктивной для турецкого влияния является образовательная политика, которая напрямую не посягает на управленческую самостоятельность новых государств и поэтому воспринимается ими преимущественно позитивно. В области образовательной политики в 1993 г. был принят закон, по которому Турция начала финансирование пятилетних образовательных программ для тюркского мира. Она открыла двери прежде всего для студентов из Казахстана и Туркменистана. Была создана сеть турецких лицеев практически во всех

⁷ «Великий Туран» может споткнуться о Туран настоящий // Новая Газета. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2022-10-30/11_8578_turkmenistan.html (дата обращения: 01.10.2023).

⁸ Панфилова В. Турция и Казахстан выводят отношения на новый уровень // Новая Газета. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-09-12/5_8824_kazakhstan.html (дата обращения: 12.09.2023).

прикаспийских государствах, в том числе и в России, позднее тем не менее⁹ закрытых по политическим мотивам:

«Казахстанские студенты позитивно оценивают турецкое образование» (Информант 4, ФГ-1, Казахстан);

«Турецкое образование да, мы вот в последнее время. Вот Турция хорошо, как говорится, очень программы хорошие, предоставляет» (Информант 2, ФГ-3, Казахстан);

«...в образовательной сфере тоже Турция... тоже не отстает» (Информант 4, ФГ-2, Казахстан).

Казахстанских студентов в Турции насчитывается около восьми тысяч¹⁰. Однако в большинстве своем казахстанские информанты отдают предпочтение западному образованию:

«Сейчас многие руководители тоже с Болашака¹¹, они тоже обучались в зарубежных странах, сейчас управляют нашей страной» (Информант 4, ФГ-4, Казахстан).

Туркмены также ценят турецкое образование. На данный момент в Турции обучается 15 тыс. туркменских студентов¹²:

«Моим друзьям, тем, что учатся в Турции, оно нравится возможно мобильностью, шансами какими-то грантами, шаг в будущее, как они говорят» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

Но это тем не менее не самое крупное образовательное направление в Туркменистане, в России туркменских студентов в два раза больше¹³:

«Многие туркмены учатся в Турции, но я не захотел, мне российская система образования ближе, более лояльная, по культурной особенности и по другим критериям она мне более близка. Я для себя четко и ясно решил — не хочу учиться в Турции» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан)¹⁴.

Успешным проводником «мягкой силы» Турции являются средства массовой информации. С. 1992 г. Турция организовала специальное вещание на страны Центральной Азии и Азербайджана:

«Есть турецкое и корейское телевидение» (Информант 1, ФГ-1, Туркменистан),

⁹ См.: Татаро-турецкие лицеи в Поволжье. URL: <https://posredi.ru/tataro-tureckie-licei.html> (дата обращения: 11.10.2023); Казахстан потерял для России навсегда. Как «турецкие лицеи» переформатировали общество на постсоветском пространстве. URL: <https://dzen.ru/a/Ye0v9anft2pmTkxS> (дата обращения: 14.10.2023).

¹⁰ Больше восьми тысяч казахстанских студентов учатся в Турции. URL: <https://liter.kz/skolko-kazakhstanstsev-uchatsia-v-turtsii-1675848410/> (дата обращения: 20.10.2023).

¹¹ Стипендиальная программа первого президента Н. Назарбаева для подготовки кадров высшего звена в ведущих компаниях и университетах мира.

¹² 15 тысяч туркменских студентов учатся в вузах Турции. URL: <https://orient.tm/ru/old/post/52613/15-tusyach-turkmenskih-studentov-uchatsya-v-vuzah-turcii> (дата обращения: 27.09.2023).

¹³ В России обучается 31 тысяча туркменских студентов. Туркменистан хочет создать совместный вуз. URL: <https://www.hronikatm.com/2022/06/v-rossii-obuchaetsya-31-tusyacha-turkmenskih-studentov-turkmenistan-hochet-so-zdat-sovmestnyj-vuz/> (дата обращения: 01.10.2023). Только в Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева в 2023 г. поступило 1300 абитуриентов.

¹⁴ Данный информант в течение нескольких лет проживал в Турции.

а эмиссаром стала турецкая киноиндустрия. Особой популярностью турецкие сериалы пользуются в Туркменистане, где количество иновещания чрезвычайно ограничено, но можно поймать несколько турецких каналов, которые с удовольствием смотрят жители Туркменистана:

«Молодежь обожает Турцию, обожает сериалы, как они живут» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

Тем не менее туркменские информанты не считают это массовым трендом:

«У меня такого фанатизма, чтобы изучать турецкую культуру, нет. Фанатеть по Турции это не тенденция» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

Достаточно влиятельным направлением воздействия «мягкой силы» на конструирование новой идентичности является языковая политика. Она последовательно проводилась в уже упомянутых выше турецких лицах, открытых в обеих странах в 90-х гг. XX в. Там активно изучались два иностранных языка — турецкий и английский, что было обусловлено проевропейской политикой Турции. Отношение к турецкому языку в Туркменистане неоднозначное. С одной стороны, туркменские информанты не считают его идентичным туркменскому, но с другой — часто понимают турецкий язык благодаря наличию турецких каналов и интересу к кинематографу:

«Турецкий и туркменский? Ну не так уж, скажем так вот азербайджанский и турецкий похож, ну, мы понимаем, можем спокойно разговаривать, например. Да у меня почти все родственники смотрят на турецким, можно сказать, и даже дети вот смотрят, скажем, 6 месяцев, там спокойно, даже да они уже все понимают» (Информант 2, ФГ-6, Туркменистан);

«Турецкий язык в нашем городе почти все знают. Он стал распространенным в последнее время за счет того, что многие начали туда ехать, за счет заработка, люди начали, скорее всего, нуждаться в деньгах. ...И уже в голове остается все равно язык тот, который, где жил. И они бывают по телефону разговаривают на турецком» (Информант 1, ФГ-6, Туркменистан).

На вопрос, для чего нужен турецкий язык мы получили в ответ:

«сериалы, турецкие компании» (Информант 5, ФГ-2, Туркменистан).

Однако есть и другая оценка состояния турецкого языка в Туркменистане:

«К турецкому языку малый интерес, его не учат, интерес только в тех регионах, откуда уезжали на заработки из Туркмении в Турцию, в тех семьях, там и популярен турецкий. Чтобы дома включить турецкий сериал без перевода, не зная языка — нет» (Информант 3, ФГ-2, Туркменистан).

Таким образом, мы видим, что в Туркменистане турецкий язык распространяется именно через интерес к турецким СМИ и в связи с возможностью уехать на заработки в Турцию в достаточно локальной среде. Тренда на изучение турецкого языка как обязательного иностранного нет. В школах его не учат. В Казахстане интерес к турецкому языку появился несколько лет назад, но казахский и турецкий сильно различаются. Его учат индивидуально, на языковых

курсах. Поэтому в данной стране языковое родство как основа для тюркской интеграции вызывает большие сомнения¹⁵.

Активно проводится работа и в области политики памяти. Педализуется тренд о тюркском происхождении народов Центральной Азии и тем самым наличию родственных связей с Турцией. Особенно сильно этот сюжет актуализируется в Туркменистане. В русле официальной политики МИД Турции, а также в художественных фильмах и научном дискурсе реализуется установка «Одна нация, два государства» (*тур. İki devlet, bir millet*). Причем в роли пранации выступают туркмены. Между туркменами и турками есть историко-генетические основания для сотрудничества.

«С этим лозунгом я согласен. Мы являемся по сути одним народом, если копнуть. Разные, но схожие языки» (Информант 1, ФГ-6, Туркменистан).

Туркменский и турецкий языки относятся к одной огузской группе тюркских языков, а основатель Османской империи позиционируется как потомок Огузхана, древнего родоначальника туркмен, и, впоследствии, турок и азербайджанцев. Именно туркменские племена пришли на территорию Византии и начали завоевательный поход длиной в несколько веков. Очень аккуратно эта линия проводится и в наиболее влиятельной из форм «мягкой силы» — турецком кино, например в сериале «Основание: Осман» (Мехмет Боздаг, 2019 г.).

У Туркменистана и Турции есть и общие культурные герои, о которых знают практически все респонденты из Туркменистана. Это Гёроглы (Кероглы), мифический богатырь, герой одноименного туркменского эпоса:

«У нас в истории он почитается туркменом, но, скорее всего, в Турции он тоже считается турком» (Информант 5, ФГ-6, Туркменистан).

Вариации этого эпоса существуют у многих тюркских народов, в том числе и в Турции, а также в странах Центральной Азии [Лалакова 2018]. Однако в список нематериального культурного наследия Юнеско его включили в 2015 г. именно от Туркменистана¹⁶, где он приобрел статус национального эпоса.

В русле политики памяти ТЮРКСОЙ ежегодно выбирает как символы тюркского мира одного деятеля тюркской культуры и один город, тем самым подчеркивая единство и преемственность. Так, культурными столицами тюркского мира от Туркменистана были выбраны Мерв (2015 г.) и Анау (2024 г.), а от Казахстана — Астана (2012 г.) и Туркестан (2017 г.). А в 2021 г. на неофициальном саммите тюркоязычных государств казахский город Туркестан, учитывая его древнейшую историю и международную значимость в прошлом, был

¹⁵ Схожесть турецкого, как самого распространенного тюркского языка, с казахским языком составляет 20 %, с киргизским — 30 %, с узбекским — 40 %, с туркменским — 60 %, и только с азербайджанским — 80 %. См: Смогут ли турок и казах понять друг друга без переводчика? URL: <https://obuchim24.ru/turetskiy-yazyk-v-kazahstane/> (дата обращения: 17.10.2023).

¹⁶ Туркменский эпос «Гёроглы» в списке нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/479#:~:text=%D0> (дата обращения: 01.11.2023).

признан еще и духовной столицей тюркского мира, с принятием туркестанской декларации¹⁷.

Что касается выдающихся личностей, то от Туркменистана дважды (в 2014 и 2024 гг.) был номинирован один из важнейших культурных персон-символов страны, поэт, философ XVIII в. Махтумкули (*Magtymguly Pyragy*)¹⁸. Махтумкули хорошо известен среди молодежи Туркменистана, практически все туркменские информанты обозначили его в числе первых пяти символов страны наряду с тремя президентами и родоначальником туркмен Огуз-ханом (табл. 1).

Таблица 1

Открытый вопрос: «Перечислите основные символы Туркменистана»

	Вариант ответа	%	Без учета затруднившихся ответить
1	Гурбангулы Бердымухамедов — Аркадаг (покровитель)	7,8	17,1
2	Сапармурат Ниязов (Туркменбаши)	7,8	17,1
3	Огуз-хан (древний родоначальник туркмен)	6,6	14,6
4	Сердар Бердымухамедов	5,5	12,2
5	Махтумкули	2,9	6,4
6	Гёроглы (туркменский героический эпос)	2,9	6,4
7	Президент	2,4	5,2
8	Государственный флаг	1,1	2,4
9	Коркут (тюркский поэт-песенник и композитор X века)	1,0	2,1
10	Государственный герб	0,8	1,8
11	Министр	0,6	1,2
12	Народ	0,6	1,2
13	Атамурат Ниязов (отец первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова)	0,4	0,9
14	Мать Гурбансолтан (мать первого туркменского президента Сапармурата Ниязова)	0,4	0,9
15	Предки	0,4	0,9
16	Другое	3,7	9,6
	Затруднились ответить	55,1	-

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

¹⁷ Туркестан официально признан столицей тюркского мира. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/turkestan-ofitsialno-priznan-stolitsey-tyurkskogo-mira-433476/ (дата обращения: 07.10.2023).

¹⁸ Завершение Года Махтумкули Фраги. URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/2014-12-16> (дата обращения: 08.10.2023).

Как представителя от Казахстана в 2020 г. была предложена фигура Абая Кунанбаева (Абай), выдающегося казахского поэта, философа, музыканта, просветителя и общественного деятеля XIX в. Так же как и Махтумкули для туркменской молодежи, Абай является важной фигурой для казахстанской. По результатам количественного опроса респонденты в открытом вопросе «Перечислите основные символы Республики Казахстан», поставили Абая на четвертое место после герба, флага и советского деятеля Кунаева (табл. 2).

Таблица 2

**Открытый вопрос: «Перечислите основные символы Республики Казахстан»,
% респондентов**

	Вариант ответа	%	Без учета затруднившихся ответить
1	Государственный герб Республики Казахстан	4,5	9,6
2	Государственный флаг Республики Казахстан	4,5	9,6
3	Динмухамед Кунаев	4,5	9,6
4	Абай Кунанбаев	4,2	9,0
5	Нурсултан Назарбаев	4,0	8,4
6	Государственный гимн Республики Казахстан	3,1	6,6
7	Касым Жомарт Токаев	2,8	6,0
8	Орел	1,4	3,0
9	Геннадий Головкин	1,1	2,4
10	Народ Республики Казахстан	1,1	2,4
11	Алихан Бокейханов	0,8	1,8
12	Бауржан Мамышулы	0,8	1,8
13	Кенесары Хан	0,8	1,8
14	Солнце	0,8	1,8
15	Абулхаир Хан	0,6	1,2
16	Другое	11,7	-
	Затруднились ответить	53,0	-

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Еще два казахских деятеля стали персонами года: Темирбек Жургенов (2023 г. — к 125-летию со дня рождения)¹⁹ — нарком просвещения Казахской ССР, ученый, публицист, композитор, репрессированный и расстрелянный

¹⁹ Решением постоянного совета ТЮРКСОЙ 2023 г. объявлен памятным годом в странах — членах организации в честь Темирбека Жургенова и других выдающихся личностей. URL: <https://kazpravda.kz/n/resheniem-postoyannogo-soveta-tyurksoy-2023-god-obyavlen-pamyatnym-godom-v-stranah-chlenah-organizatsii-v-chest-temirbe-ka-zhurgenova-i-drugih-vydayushchihsya-lichnostey/> (дата обращения: 20.10.2023).

в 1938 г., и Магжан Жумабаев (2018 г. — к 125летию со дня рождения)²⁰ — поэт, основатель новой казахской литературы, публицист. Его называли казахским Пушкиным и Шекспиром. Он участвовал в создании «Алаш-Орды», был осужден, в том числе и за пантюркизм, и расстрелян в 1938 г. Однако оба эти общественных деятеля казахстанским респондентам практически не знакомы.

Сам же термин «пантюркизм» знаком подавляющему большинству информантов:

«О термине пантюркизм знаю. Не могу утверждать точно, но это идеология турецкой культуры, турецкого народа, культурные особенности, связанные с кемализмом... кемализм в Турции — это просто невыносимо, очень воинственная нация» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

В Туркменистане принадлежность к тюркскому миру рассматривается как что-то само собой разумеющееся. Причем в этот тюркский мир включается и Россия:

«Россия, Казахстан, Азербайджан, Турция — это тюркские страны» (Информант 4, ФГ-6, Туркменистан).

Однако возможность такого объединения не рассматривается информантами однозначно как позитивный процесс:

«Даже один знакомый говорит: „Эрдоган сказал, что хочет объединить все тюркские народы“. Я за» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

«Да там не так уж хорошо, как они себе представляют. Просто в основном берут, ну они как распространяют, даже вот просто пантюркизм — из-за сериалов» (Информант 1, ФГ-6, Туркменистан).

«Создание Тюркского мира, это очень сложный вопрос. По мне главное, чтобы был мир... Традиции, обычаи Турции очень сильно отличаются от туркменских. Под какую-то страну подстраиваться мы не хотим» (Информант 2, ФГ-6, Туркменистан).

Однако тем не менее один из информантов отмечает, что Турция ближе к Туркменистану, чем все остальные страны ЦА:

«Когда в Турции произошло землетрясение, наша страна в числе первых послала два самолета с гуманитарной помощью, со специалистами МЧС и кинологи... и вот тогда я понял, что туркмено-турецкие отношения на очень тесном уровне. На международной арене Турция, это царица, такая принцесса, с такими амбициями, и ее младшие сестрички Азербайджан и Туркмения» (Информант 5, ФГ-6, Туркменистан).

Анализ данных, полученных из интервью с казахстанскими информантами, показал, что опрошенные осведомлены о пантюркизме и относятся к нему достаточно позитивно:

²⁰ 125-летие Магжана Жумабаева: зарубежные гости приехали на родину великого поэта. URL: <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4924989-125-letie-magzhana-zhumabaeva.html> (дата обращения: 20.10. 2023).

«Я знаю о пантюркизме, думаю, это тюркский народ он ближе к нам» (Информант 3, ЭИ, Казахстан).

«...Как по мне, это прекрасная идея, объединить родственные народы» (Информант 7, ЭИ, Казахстан).

В медиапространстве данная тематика также является достаточно распространенной: сортировка данных по маркерам (пантюркизм, туран, тюрки/тюрок, тюркизм, пантуранизм) позволили выделить 48 040 упоминаний данных маркеров в текстах постов и комментариев, что составляет около 20 % от всего массива собранных данных за вышеуказанный период (рис. 1).

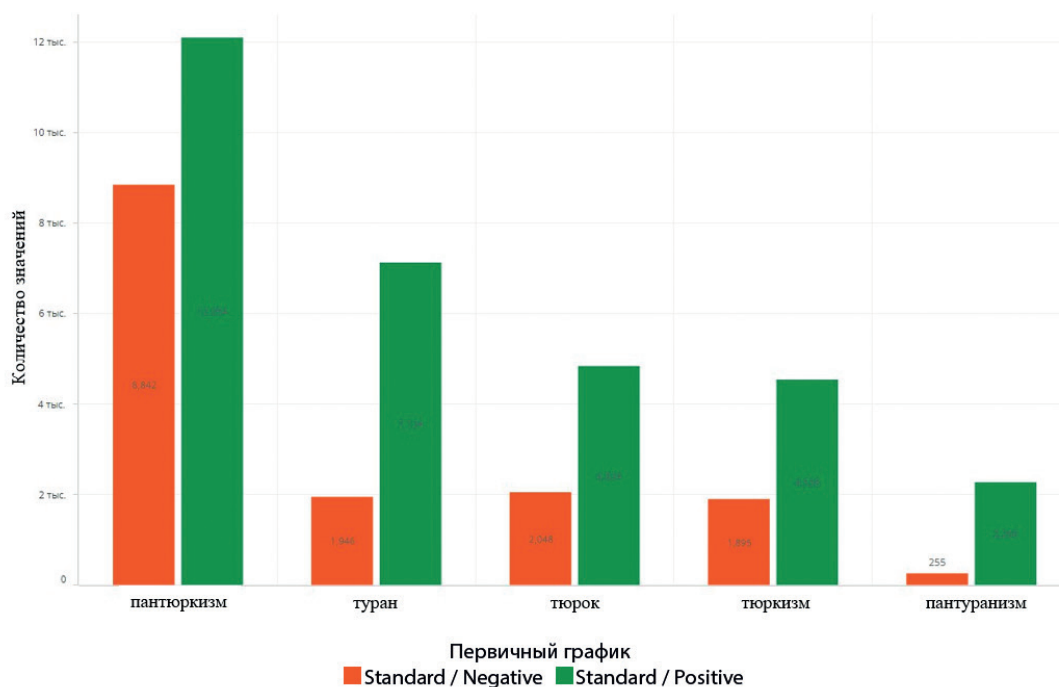

Рис. 1. Сентимент-анализ данных по заданным маркерам
 Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Можно отметить, что маркер «пантюркизм» является лидером как по числу общих упоминаний, так и по числу упоминаний в негативной тональности. На наш взгляд, это связано, во-первых, с неоднозначной оценкой данной идеологии среди пользователей, а во-вторых, с большим числом упоминаний данного маркера в социальной сети ВКонтакте (более 30%), где основной аудиторией являются русскоязычные граждане, а также граждане Российской Федерации, часто критикующие данную политику. Второй аспект, по нашему мнению, несколько смещает репрезентативность употребления данного маркера. Возможно, будущие исследования, основанные на данных из других государств (Азербайджан, Туркменистан) сместят результаты в пользу позитивного употребления данного маркера.

Дополнительное извлечение сущностей по заданным маркерам позволило выделить наиболее упоминаемые персоны в текстовом массиве (рис. 2).

Рис. 2. Облако слов «персоны» по заданным маркерам (пантюркизм, туран, тюрки/тюрки, тюркизм, пантуранизм)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Подавляющее большинство упоминаемых персон являются исследователями в различных областях научного знания, так или иначе занимавшихся изучением пантюркизма. Однако в некоторых случаях была зафиксирована определенная доля текстовых данных с упоминанием казахстанских оппозиционеров, распространяющих концепцию объединения «тюркского мира» среди местного населения (выделено зеленым), а также отмечен низкий процент упоминаний основных идеологов и приверженцев пантюркизма (выделено синим). Исключением является Р.Т. Эрдоган, довольно часто упоминаемый в онлайн-информационной повестке.

Говоря об отношении Турции и стран Прикаспия можно отметить, что данные, полученные из результатов фокус-групповых интервью и сетевого анализа, имеют некоторые различия в плане позитивности восприятия. Участникам фокус-групп предложили определить степень влияния ключевых стран на экономику и политику их страны. Среди них была и Турция. Информантам предложили изобразить графически взаимоотношения их родной страны со странами, являющимися ключевыми партнерами.

Среди получившихся графических рисунков у туркменских информантов Турцию можно выделить как одну из ближайших стран-партнеров (рис. 3).

Рис. 3. Близость стран-партнеров (по суммарным результатам фокус-групп «Туркменистан»)
Источник: составлено авторами по результатам исследования.

На вопрос, почему Турция так близко, информанты одной из фокус-групп дали коллективный ответ, что:

«и там и здесь туркмены» (Информант 4, ФГ-2, Туркменистан).

Привлекательна Турция для туркмен по целому ряду факторов:

«Турция, ну как сказать... В основном, наверное, торговля, импорт, экспорт. Одежду поставляют. Продукты питания». «Строительство (осуществляют)» (Информант 5, ФГ-4, Туркменистан).

Казахстанские информанты, напротив, считают, что отношения между ключевыми странами-партнерами находятся на одинаковом уровне (рис. 4):

«Да, все одинаково такой, как бы компас получился. Мне кажется, мы со всеми в хороших торгово-экономических отношениях... у нас практически все товары. Всех 4 представителей в Казахстане продают» (Информант 4, ФГ-2, Казахстан).

Однако оценка влияния Турции казахстанскими информантами достаточно противоречива. С одной стороны, отмечается и определенный интерес Турции к Казахстану. Этот интерес, прежде всего, экономический:

«Турция все же имеет свои интересы. Ну хотя бы нефть. Им интересна наша нефть и ресурсы» (Информант 6, ФГ-3, Казахстан).

В свою очередь Турция интересна казахским респондентам:

«Турция товары да продаются... турецкие вещи, турецкая одежда» (Информант 1, ФГ-1, Казахстан);

«Влияет, но мало. Она дальше находится, ну и я мало знаю о взаимодействии Турции и Казахстана» (Информант 4, ФГ-5, Казахстан);

«...В некоторых там арабских странах, да, значит, это тоже самое Турции, допустим, знаете, ярко выражен такой, знаете, вот этот национализм таким смешанным таким с ярким религиозным таким уклоном, допустим да вот у нас, допустим, этого нет, значит да, поэтому я тоже считаю, что Турция нам не особо интересна» (Информант 3, ФГ-5, Казахстан).

Непростая и неоднозначная история взаимоотношений Турции и Туркменистана, а также турецкое присутствие в стране зачастую побуждает Туркменистан крайне настороженно относиться к любым интеграционным предложениям вообще и особенно со стороны Турции. Именно Туркменистан в полной мере оценил, как Турция ловко старается подменить все тюркское турецким (в частности подмена исторических фактов о происхождении тюрков), что тонко отметил тюрколог Владимир Аватков, и это уже успело не понравиться ни туркменским властям, ни туркменскому обществу, которое не восприняло довольно «дерзкие» попытки турецкой ассимиляции в 1990-х и начале 2000-х гг. [Аватков, Рыженков 2022]:

Помимо этого, «мягкой силой» Турции Туркменистан стремится противостоять, ограничивая на территории страны деятельность таких важных ее проводников, как ТЮРКСОЙ и ТИКА²⁶. Единственным рабочим инструментом «мягкой силы» Анкары остается обучение туркмен в самой Турции. Как уже упоминалось ранее, на настоящий момент среди обучающихся в турецких вузах иностранных студентов больше всего именно туркмен.

Заключение

Какова же, исходя из нашего исследования, роль Турции и идеологии пантюркизма в формировании новых национальных идентичностей? Насколько граждане Казахстана и Туркменистана готовы принять идеи объединения тюркского мира и превалирования турецкого вектора во внешней политике?

Турция является координирующим центром транснационального пространства «тюркский этномир», в котором наибольшему влиянию на данном этапе подвергаются страны Каспийского региона и ЦА. Используемая Турцией «мягкая сила» направлена прежде всего на культурные взаимосвязи и акцентирование элементов культурного родства тюркских народов посредством активизации совместных культурных акций, предоставление большого количества бюджетных мест для обучения в Турции и, соответственно, распространения турецкого языка, расширения символического поля тюркского мира и активизации политики памяти в рамках деятельности ТЮРКСОЙ. Все это подкрепляется взаимовыгодным экономическим сотрудничеством.

Однако, поскольку вся внешняя политика Турции «эпохи правления Р. Эрдогана» носит амбивалентный характер, что проявляется в попытках усидеть на множестве стульев и не потерять свой «гешефт» от контактов с противоположными политическими силами (Россия, США, Европа и Китай), замена реальных действий бурной риторикой и организацией массовых беспорядков

²⁶ См.: «ТЮРКСОЙ» переключивается в Туркменистан. URL: <https://asian24news.com/2023/07/05/tjurksoj-perekochjovuyvaet-v-turkmenistan/> (дата обращения: 21.10.2023); «Тюркская интеграция» для Туркменистана — оценки российских экспертов. URL: <http://casp-geo.ru/tyurkskaya-integratsiya-dlya-turkmenistana-otsenki-rossijskih-ekspertov/> (дата обращения: 21.10.2023).

(палестино-израильский конфликт), амбивалентна и реакция населения исследуемых нами стран на данные методы влияния.

Исходя из результатов контент-анализа, мы видим, что пантюркистские идеи присутствуют в информационной повестке анализируемых стран (о чем говорят результаты контент-анализа), однако они не являются ее трендом. Это подтверждают и данные социологических исследований — опрошенные, хотя и показали свою информированность и в принципе положительное отношение к пантюркизму, но не включают его в сферу своих интересов. В данном случае сильной стороной политики Турции является не столько сама идея «Великого Турана», сколько механизмы ее продвижения в страны с тюркским населением: именно на элементы «мягкой силы» ссылается большинство информантов (образовательные программы, сериалы, музыка, возможность получения работы), когда описывают свой интерес к Турции. Именно научно-образовательные программы являются наиболее действенным инструментом, их статусность позволяет вернувшейся молодежи войти в состав новой элиты своих стран и одновременно стать эмиссаром пантюркистских идей.

Влияние тюркских идей имеет свои особенности в каждой из исследуемых нами стран. Правда, надо учитывать, что объем данных, полученных в Казахстане, несомненно, более значителен, чем в Туркменистане, благодаря большей открытости данной страны. Многовекторная политика Казахстана отражается и в позиции участников социологических исследований. Они не выделяют вектор отношений «Казахстан — Турция» как особо интенсивный и наиболее влиятельный (см. рис. 4), но исходя из данных контент-анализа, представленность Турции в онлайн-информационной повестке Казахстана достаточно высокая, что говорит не столько о «мягкости», сколько о «латентной ползучести» этого влияния²⁷.

В целом, исходя из анализа текстовых данных, можно отметить, что турецко-казахстанские взаимоотношения хотя и характеризуются активным и положительным развитием, прежде всего в экономической сфере, но все же не лишены противоречий. К примеру, та же самая идеология пантюркизма используется казахстанскими оппозиционерами для дестабилизации обстановки в стране (они также представлены и в облаке слов — см. рис. 2), а тот факт, что наиболее активные представители оппозиции Казахстана находятся в Турции, продолжая свою деятельность и поддерживая связи с местными оппозиционерами, только усложняет данную проблему, что отражается в весьма сдержанном фоне отношения к Турции со стороны казахстанских участников социологических исследований.

По результатам социологических исследований, проведенных среди граждан Туркменистана, обучающихся или оставшихся работать в России, можно

²⁷ В данном случае мы провели анализ только казахстанского онлайн-пространства, поэтому исключаем влияние российской информационной повестки, которая де-факто является оппозиционной идеологии пантюркизма.

сделать вывод, что абсолютное большинство информантов относятся к Турции весьма позитивно, считая их родственным народом, однако, по степени близости Турция уступает России, а в некоторых случаях и Казахстану (см. рис. 3), что, на наш взгляд, можно объяснить целым комплексом факторов: политикой нейтралитета, наличием в Турции части туркменской оппозиции, влияния общего с Россией советского прошлого, которое достаточно позитивно отражается в менталитете пожилого поколения, поскольку политика памяти в Туркменистане не носит ярко выраженный негативный характер по отношению к России.

Единственным методом воздействия, как и в случае с Казахстаном, остаются инструменты «мягкой силы» и экономическое партнерство (несмотря на то, что крупнейшим торговым партнером Туркменистана является Китай). Отметим, что, исходя из установки «Одна нация, два государства», Туркменистан является одним из приоритетных направлений для тюркской интеграции, но благодаря своему нейтральному статусу Туркменистану до сих пор удается избегать активного участия в политических объединениях под эгидой Анкары (как, например, введение визового режима Турцией для граждан Туркменистана по просьбе туркменских властей). Однако, на наш взгляд, текущая геополитическая ситуация в мире, в частности в регионах Прикаспия и Центральной Азии, может изменить вектор взаимоотношений Туркменистана и Турции.

Таким образом, можно сказать, что на данный момент «турецкий гамбит» с использованием инструментов «мягкой силы» пока не достиг запланированной цели — формирования ярко выраженных элементов тюркской идентичности в национальных идентичностях двух стран Каспийского региона, а приоритетность таких двусторонних отношений подвергается сомнению с обеих сторон на уровне рядового населения.

Поступила в редакцию / Received: 18.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 29.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Аватков В., Рыженков А.* Туркменистан и туркоцентричная интеграция // Россия и новые государства Евразии. 2022. No. I (LIV). С. 68–85. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-68-85>
- Аватков В.А.* Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 162–176.
- Аджи М.* Европа. Тюрки. Великая Степь. М.: Мысль, 1998.
- Аминов Э.Р.* Специфика сетевого взаимодействия сторонников радикального пантюркизма // Причерноморье. История, политика, культура. 2020. № 29. С. 28–36. <https://doi.org/10.35103/SMSU.2020.18.15.004>
- Артеев С.П.* Этнокультурные и диаспоральные миры. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. С. 134–144.

- Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931.
- Ахманова М.Т. Пантюркизм в трудах Исмаила Гаспринского. Нравственно-патриотическое воспитание: исторические ретроспективы и изучение проблем современности: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 9 декабря 2021 года). Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2022. С. 582–594.
- Бабаян Д. Арцахская проблема и идеология пантюркизма // 21-й век. 2011. № 4 (20). С. 68–99.
- Бадретдинова С.А., Бадретдинов И.Р. Формирование и развитие системы инструментов и институтов «мягкой силы» Турции на рубеже XX-XXI веков (на примере взаимоотношений с тюркоязычными регионами) // Манускрипт. 2021. Вып. 14 (9). С. 1830–1838.
- Вартаньян Э.Г. Идеино-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX–XX вв. в Османской империи: доктрины паносманизма, панисламизма, пантюркизма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 3. С. 20–26.
- Васильева С.А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. 2011. № 3. С. 75–78.
- Васильева С.А. Пантюркизм, тюркизм и кемализм: соотношение идеологий. Судьба национальных культур в условиях глобализации // Материалы IV Международной научно-практической конференции. Челябинск: ЧГУ, 2017. С. 46–48.
- Вахитова Г.А. Политический ислам в Турции: неоосманизм и пантюркизм // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2007. Т. 7. № 2. С. 96–99.
- Деев А.А. Истоки и современное состояние доктрины пантуранизма // Гуманитарный акцент. 2018. № 4. С. 37–44.
- Иванова В.В. Спелое яблоко Идеалы пантюркизма и идентификационный синкретизм // Азия и Африка сегодня. 2012. № 1 (654). С. 65–71.
- Имомалиев А.А. Особенности развития идеологии пантюркизма в 21 веке // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69–2. С. 153–155. <https://doi.org/10.18411/lj-01-2021-83>
- Касымов Г. Пантюркистская контрреволюция и ее агентура — султангалиевщина. Казань, 1931.
- Лалакова З. Сравнительный анализ среднеазиатских версий эпоса «Гёроглы» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2018. № 2 (10). С. 40–49. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.10.14552>
- Миллер А.Ф. Пятидесятилетие младотурецкой революции. М.: Знание, 1958.
- Милюкова А.Г., Ковалева А.В., Валюлина Е.В. Пантюркизм и геополитическая идентичность на современном Евразийском пространстве: анализ репрезентаций в СМИ // Мировая политика. 2021. № 1. С. 25–38. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2021.1.34970>
- Мухаметдинов Р.Ф. Юсуф Акчурра в эпоху перемен // Симбирский научный вестник. 2016. № 1 (23). С. 116–123.
- Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Издательство «Русская панорама», 2017.
- Насибова А.С. Эволюция идей пантюркизма во внешней политике Турецкой Республики // Современные евразийские исследования. 2015. № 3. С. 113–118.
- Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: методология, методы, математические модели. 2007. № 24. С. 149–168.

- Притчин С.* Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022. № I (LIV). С. 56–67. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-56-67>
- Романова А.П., Морозова Е.В.* Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 85–102. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102>
- Сваранц А.* Основные угрозы интересам Российской Федерации от идеологии и политики пантюркизма (внешние и внутренние аспекты) // Регион и Мир. 2010. № 1. С. 3–11.
- Семенов И.С.* Тюркский мир в школьном учебнике: ближние рубежи, дальние горизонты... / ИМЭМО РАН. 23.08.2022. Retrieved from <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/the-turkic-world-in-a-school-textbook-near-frontiers-distant-horizons> (дата обращения: 12.09.2023).
- Сигачёв М.И., Артеев С.П.* Португальский мир как транснациональное пространство: политическое измерение // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 2. С. 37–51.
- Тверитинова А.С.* Младотурки и пантюркизм // Византийский Временник. Л., 1957.
- Усманова Д.М.* Политическая деятельность Юсуфа Акчуры в Российской империи (1904–1908): к специфике мусульманского либерализма // Симбирский научный вестник. 2016. № 1 (23). С. 147–152.
- Хапизов Ш.М.* Аварский народ и болмацI: борьба с пантюркизмом за право на существование. Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2014. 150 с.
- Шкира Н.В.* Пантюркизм, пантуранизм, «Неоосманизм» и экономические интересы России и Турции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. Вып. 165. С. 147–153.
- Шумилов М.М.* Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть 1 // Управленческое консультирование. 2022а. № 6. С. 36–53.
- Шумилов М.М.* Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть 2 // Управленческое консультирование. 2022б. № 7. С. 37–49.
- Bülent A.* Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy No. 32. Ankara, 2009.
- Gökalp Z.* Türkçülüğün Esasları. İstanbul, 2017. (In Turkish).
- Kofak C.* Türkiye’de Milli şefDönemi. İstanbul, 2017. (In Turkish).
- Özdoğan G.* Turan’dan Bozkurt’a: Tek Parti Döneminde Türkçülük (1931–1946). İstanbul, 2019. (In Turkish).
- Saraçoğlu, C.* Nihal Atsız’s World-View and Its Influences on the Shared Symbols, Rituals, Myths and Practices of the Ülkücü Movement // Turkology Update Leiden Project Working Papers Archive. 2004.
- Tuzun S.* İkinci dünya savası’nda’nin savaş disi kalma politikaları ve sonuçları // Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. 2020. No 45. P. 201–221. (In Turkish).

Сведения об авторах:

Романова Анна Петровна — доктор философских наук, профессор, директор НИЦ проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева (aromanova_mail@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8537-4893) (SPIN-код: 9637-1465)

Черничкин Дмитрий Алексеевич — научный сотрудник Центра изучения проблем комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева (chernichkin95@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9647-7916) (SPIN-код: 9037-9800)